

СЕМЬ ГОСТЕЙ

Александра Речная

У ПУСТОГО БАССЕЙНА

ИИ
Александра Речная

Александра Речная

Семь гостей у пустого бассейна

«Автор»

2026

Речная А.

Семь гостей у пустого бассейна / А. Речная — «Автор», 2026

Можно ли найти убийцу, если каждый свидетель уверен в своей памяти — и у каждого есть причина молчать? Максим собирает семерых на Северном мысе: курорт скоро сменит владельца, и пора закрыть старый счёт. Но за закрытыми воротами вечер заканчивается телом на сухом дне бассейна. Дорога отрезана; у каждого — алиби и своя версия прошлого. Под давлением догадки легко принять за факты. Чтобы найти убийцу, друзьям придется восстановить последний вечер, проверить версии и усомниться в удобном подозреваемом. Расследование заставит каждого признать собственное молчание: что он знал и за что теперь отвечает. Камерный детектив для тех, кто любит напряженные загадки и истории о сложных выборах. Здесь важны не только улики, но и то, как мы толкуем прошлое, защищаем репутацию и оправдываем себя. Правда не гарантирует прощения — зато помогает перестать множить ложь. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Речная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Семь приглашений на последний уикенд	6
За закрытыми воротами	11
Старые друзья и незакрытый счёт	16
Последний тост у бассейна	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Речная

Семь гостей у пустого бассейна

Семь гостей у пустого бассейна

Александра Речная

Семь приглашений на последний уикенд

Максим выровнял семь приглашений по краю стола.

Они были одинаковыми: плотный картон цвета старой кости, серебряный силуэт крытого бассейна, напечатанные без украшений слова: «Северный мыс. Последний уикенд перед передачей курорта новому владельцу. Пятница, восемнадцать часов». Ниже он оставил место для имени и своей подписи.

На шести карточках появились разные приписки. Нине он напомнил, что помнит её попытку вернуться. Вере пообещал ответить на вопрос о звонке. Олегу написал о старой расписке, Даше предложил самой проверить слух. Кириллу напомнил, что тот видел больше, чем утверждал. Роману сообщил о коробке из подсобки. На седьмой карточке, предназначенной для него самого, Максим вывел: «Не оставляй себе запасного выхода».

Последняя строка у всех была одинаковой.

Он перечитал её, но не стал зачеркивать. Потом сложил шесть приглашений в конверты и передал их курьеру. Седьмое оставил на столе, рядом с ключами от курорта.

За окнами темнел пустой бассейн. Воду спустили ещё в августе, перед тем как закрыть «Северный мыс». Теперь на дне лежали сухие листья, занесённые сквозь приоткрытый люк, а по голубой плитке тянулась длинная трещина. Когда-то они вшестером спорили у этого бассейна, кто первым прыгнет с бортика. Потом стали спорить, кто первым уйдёт.

Максим погасил свет и запер дверь.

Первое приглашение нашло Нину в мастерской, где она обсуждала с подрядчиком трещину в потолке старого театра.

— Если оставить так до весны, штукатурка посыплется на кресла, — сказала она, показывая на фотографию.

Она работала архитектором-реставратором и привыкла замечать, как здания выдают свои слабые места. Человек мог улыбаться, уверять, что всё в порядке, и даже шутить, но трещина всё равно шла от угла к углу. Нина думала о людях примерно так же, хотя вслух этого не говорила.

Курьер дождался, пока она выйдет в коридор. Конверт был адресован её полным именем, выведенным рукой, которую она узнала раньше, чем прочла подпись.

Максим.

Нина не вскрыла письмо сразу. Подержала его, чувствуя под большим пальцем рельеф на плотной бумаге. В мастерской пахло пылью, мокрой одеждой и кофе из автомата. Из зала донеслись шаги подрядчика.

— Вы не потеряли что-то? — спросил он.

— Нет, — ответила Нина. — Просто старое.

На карточке Максим написал: «Я помню, что ты хотела вернуться. На этот раз не уходите до рассвета».

Она прочла строку дважды. Слово «вернуться» было хуже слова «помню». Оно словно возвращало её в тот коридор, к двери, которую она тогда не открыла. Нина сжала конверт так, что край впился в ладонь.

Вечером она достала из нижнего ящика стола письмо, которое начала несколько лет назад. Оно было коротким: «Максим, я должна была...» Дальше она не продвинулась. Каждый раз находилась уважительная причина не заканчивать. Нина называла это бережностью: не тревожить человека, который и так пережил достаточно.

Теперь она набрала Максиму сообщение: «Я приеду». Палец задержался над кнопкой отправки.

— Мам, ты дома? — крикнул сын из соседней комнаты.

— Уже да.

Она нажала на экран и убрала телефон. Поедет, сказала она себе, чтобы убедиться, что Максим не остался с этим один. Не ради прощения. Определённо не ради того, чтобы наконец услышать: «Я понимаю».

Вера получила своё приглашение в коридоре суда, где пахло мокрой шерстью и копировальной бумагой.

— Подпись здесь, — сказал помощник, протягивая ей папку.

Вера поставила подпись, забрала документы и только потом заметила конверт, прислонённый к стене у двери кабинета. Её имя было написано от руки. Она не стала смотреть на помощника, но тот сразу сказал:

— Курьер оставил. Я не вскрывал.

— Разумеется.

Когда-то Вера была той, кто задавал неудобные вопросы. Теперь она была адвокатом, и неудобные вопросы задавала за деньги. В этом она не видела противоречия: профессиональная честность, говорила она себе, не обязана быть личной.

В конверте лежала карточка. «Я отвечу на вопрос о звонке. На этот раз не уходите до рассвета».

Вера опустила руку. На секунду коридор растворился. Остался телефон, лежавший экраном вниз, и чей-то голос, произнесший: «Не сейчас». Она не могла вспомнить, чей именно голос, хотя много лет была уверена, что помнит всё.

Олегу хотелось позвонить, подумала она. Но Максим был человеком, который мог ответить уклончиво, перевести разговор на другое, назвать её подозрения жестокими. Это было бы нечестно — ехать неподготовленной. Надо сначала выяснить, что именно он собирается сказать.

Вера набрала его номер. После нескольких гудков включилась голосовая почта.

— Максим, это я. Получила письмо. Хочу услышать ответ, который ты обещал.

Она не сказала «наконец-то». Не сказала, какой вопрос собирается задать. Записала короткое сообщение и убрала телефон.

В машине, по дороге домой, Вера заказала билет до ближайшей станции к «Северному мысу». Свою поездку она назвала проверкой фактов. Страх в таких случаях полезно переименовать: тогда он начинает казаться планом.

Олег получил конверт в автосервисе, между коробкой новых фильтров и счетом за электричество.

— Тебе письмо, — сказал напарник, протягивая его через приоткрытые ворота.

Олег вытер руки ветошью. На костяшках осталась чёрная смазка, и он бережно поддел конверт ногтем, чтобы не испачкать бумагу. Его раздражало, когда вещи пачкались без необходимости. Особенно вещи, которые он не собирался хранить.

Карточка сообщала: «Расписка всё ещё у меня. На этот раз не уходите до рассвета».

Олег коротко усмехнулся.

— Что там? — спросил напарник.

— Старый долг.

— Денежный?

— Какой ещё.

Он сказал это слишком быстро. В запертом ящике стола, под кассовой книгой, лежал конверт с деньгами. Сумма была невелика даже по меркам того времени, когда Олег получил её от Максима. Теперь её хватило бы разве что на комплект шин. Но долг не стал меньше от того, что изменились цены.

— В выходные меня не будет, — сказал он напарнику. — Если позвонит поставщик, ответь, что я вернусь в понедельник.

— Куда едешь?

— Закрывать вопрос.

Олег не добавил, что давно мог перевести деньги на счёт Максима. Но перевод казался слишком простым способом избавиться от вещи, которую он носил с собой много лет. Ему нужно было отдать долг лично и увидеть, как Максим его примет. После этого можно будет сказать, что между ними всё рассчитано.

Он забрал из ящика конверт. Потом, помедлив, положил туда же старую расписку — не ту, что хранил Максим, а свой мятый экземпляр.

Даша прочла приглашение в звукозаписывающей студии. За стеклом диктор записывал короткую подводку к документальному подкасту о пропавших картинах. Даша попросила его остановиться и нажала кнопку выключения.

Её работа состояла в том, чтобы разбирать чужие голоса: искать паузы, сбившееся дыхание, фразу, которую говорящий произнёс тише остальных. В обычной жизни она утверждала, что не любит сплетни. Она просто считала, что слух становится опасным, когда никто не проверяет, откуда он взялся.

В конверте лежала карточка: «Слух об изменённой записи проверь сама. На этот раз не уходите до рассвета».

Даша перестала дышать на мгновение, затем включила запись, которую слушала до прихода курьера. В наушниках снова заговорил диктор, уверенный и спокойный. Ни одной лишней паузы.

— Всё в порядке? — спросил звукорежиссёр.

— Да. Просто вспомнила один материал.

Она не сказала, что много лет назад слышала историю про журнал у бассейна. Будто в нём исправили время. Будто кто-то попросил не записывать одну подробность. Даша знала человека, который клялся, что видел страницу своими глазами. Знала и другого, который называл эту историю выдумкой. До сих пор она не решила, кто из них говорил правду.

Максим мог бы рассказать сам, подумала она. Но если бы хотел, давно рассказал бы.

Даша сказала себе, что едет из заботы. Любопытство — слово, которым она обычно описывала чужие слабости.

Кирилл получил письмо в спортивном зале, где проводил семинар о самодисциплине. Участники стояли на ковриках, закрыв глаза и вытянув руки перед собой.

— Когда вы чувствуете напряжение, не прогоняйте его, — говорил Кирилл. — Спросите себя, о чём оно пытается вам сообщить.

В это время к нему подошёл администратор и протянул конверт. Кирилл взял его, не прерывая речь. Участники послушно продолжали дышать.

«Ты всегда говорил, что ушёл раньше. Я помню иначе. На этот раз не уходите до рассвета».

Кирилл прочёл надпись с улыбкой человека, которому только что напомнили старую шутку.

— Всё хорошо? — спросил администратор.

— Конечно. Просто старый знакомый решил устроить встречу.

— Поедешь?

— А почему нет?

Он ответил легко. На публике у него всегда получалось говорить так, будто любое решение уже принято и тщательно обдумано. Кирилл много лет строил карьеру на убеждении, что прошлое перестаёт управлять человеком, если тот перестаёт подчиняться ему.

На следующий день он отменил выступление в другом городе и купил билет до «Северного мыса». Администратору сказал, что хочет увидеть старых друзей. Сам себе — что хочет

доказать: Максим ошибается. Есть воспоминания, которые ничего не значат. Есть двери, за которые не нужно возвращаться.

Вечером Кирилл долго стоял в ванной, глядя в зеркало. Он не боялся поездки. Он просто проверял, что делает его лицо, когда он произносит имя Максима.

Роман получил приглашение дома, от курьера, который дождался, пока тот откроет дверь. Роман работал монтажёром документального кино и привык проводить вечера в полумраке, среди остановленных кадров и чужих голосов. На экране его ноутбука сейчас застыл пустой перрон.

В карточке было написано: «Твоя коробка всё ещё в подсобке. На этот раз не уходите до рассвета».

Роман сразу позвонил Максиму.

— Ты нашёл её?

— Коробку? Да.

— Ты открывал?

На другом конце помолчали.

— Нет.

Роман прикрыл глаза. Десять лет он убеждал себя, что той коробки больше нет. Не потому, что она была ему дорога, а потому, что в ней, возможно, лежало то, что он не хотел видеть. По крайней мере, так он формулировал это для себя. На деле коробка могла содержать запись, которая меняла порядок событий. Или, наоборот, подтверждала всё, чего он боялся.

— Я приеду за ней, — сказал Роман.

— Я так и подумал.

— Не надо устраивать из этого собрание.

— Оно уже устроено.

Максим отключился первым.

Роман достал из шкафа дорожную сумку и положил туда запасной свитер. Потом добавил маленький фонарик, хотя на курорте должно было быть электричество. Сказал себе, что едет забрать коробку. Не к Максиму, не к прошлому, не за ответом. Только за коробкой.

Пока шестеро собирались в дорогу, Максим готовил курорт к последнему уикенду. Он проверил отопление в главном корпусе, принёс из кладовой складные стулья и расставил их в пустом зале, а не у бассейна. Потом переставил. Стулья должны были стоять у края чаши, где каждый сможет видеть остальных.

Он не заказал еды. Не поставил музыку. Не купил даже бутылки вина, хотя в приглашении говорилось о встрече старых друзей. Вместо этого на столе лежали семь чистых стаканов и графин с водой.

Максим открыл тетрадь и записал то, что собирался сказать: «Вы помните, что обещали?» Ниже добавил: «Я тоже». Он долго смотрел на эти слова, затем зачеркнул. Не хотел подсказывать им ответ заранее. Если они скажут правду, это должна быть их правда, а не повторение его фраз.

К полуночи от шестёрки пришли короткие сообщения. «Буду». «Приеду». «На месте поговорим». У каждого была своя версия предстоящего уикенда. Нина ехала извиниться. Вера — задать вопрос. Олег — вернуть долг. Даша — проверить слух. Кирилл — доказать, что прошлое его не касается. Роман — забрать коробку.

Ни один не называл настоящую причину вслух.

Максим вышел к бассейну и остановился у лестницы. На пустом дне проступали тёмные полосы от старой воды. В ту ночь у бассейна произошёл несчастный случай. Они пообещали дождаться утра и рассказать, что каждый видел. Но рассвет встретил пустые комнаты. Никто не выполнил обещание, и с тех пор они не могли вспомнить ту ночь одинаково.

Он понял, что не ждёт праздника. Даже не ждёт прощения. Ему нужно было услышать признание — любое, в котором человек перестанет прикрывать страх осторожностью, долг деньгами, любопытство заботой, а молчание давностью.

За окнами ветер тронул ворота. Цепь коротко звякнула.

Максим вернулся в кабинет, взял седьмое приглашение и положил рядом с ключами. Утром он должен был принять гостей, а вечером — закрыть ворота. На этот раз никто не сможет сослаться на то, что не нашёл дорогу.

За закрытыми воротами

Последний поворот к «Северному мысу» вывел машины к воротам, на которых облупившаяся синяя краска держалась только в тех местах, куда не доставали ветер и соль. За ними начинался курорт: корпуса с тёмными окнами, пустая парковка и выцветшая стрелка с надписью «БАССЕЙН», указывавшая на бетонную чашу без воды.

Нина остановила машину, но не заглушила двигатель. Несколько секунд она смотрела сквозь лобовое стекло на главное здание. В его окнах отражалось серое небо, и казалось, будто за стеклом никого нет.

Потом в зеркало заднего вида попал автомобиль Романа.

Нина выключила мотор. Не торопясь вынула ключ, проверила телефон, хотя экран по-прежнему показывал одну полоску связи, и только тогда открыла дверь. Дождь тут же коснулся её лица мелкой холодной пылью.

Роман поставил машину рядом. Он вышел с дорожной сумкой в одной руке и улыбкой, которую, похоже, привёз с собой из города.

— Хорошее место, — сказал он. — Особенно если хочется, чтобы никто не дозвонился.

Нина захлопнула дверь.

— Ты приехал за коробкой.

— Именно.

— Тогда не потеряй её в разговорах.

Она прошла мимо него к крыльцу. Роман не попытался догнать. Только посмотрел ей вслед и поднял сумку повыше, будто хотел напомнить самому себе, что руки у него заняты.

На крыльце их ждала женщина в тёмно-зелёном свитере. На вид ей было около пятидесяти. Волосы она убрала под шерстяную шапку, а на ремне связки ключей висела маленькая рация.

— Эльза, управляющая, — представилась она. — Добро пожаловать. Хотя, если честно, курорт пока не совсем готов к слову «добро».

— А к слову «закрыт» готов? — спросил Роман, оглядывая пустые корпуса.

— К нему готов лучше всего.

В этом месте чувствовалось межсезонье не как пауза между двумя оживлёнными неделями, а как долгий период, в котором всё перестало ждать людей. На парковке белели стёртые линии. Рядом с центральным корпусом стояли перевернутые скамейки. На флагштоке дёргался короткий обрывок верёвки. Указатели выцвели так, что названия мест приходилось угадывать по первым буквам.

Сквозь стеклянные двери холла была видна пустая чаша бассейна. На её дне темнели полосы, оставшиеся от старой воды. Рядом с лестницей лежала свёрнутая брезентовая плёнка.

— Бассейн на ремонте? — спросил Роман.

— На профилактике, — ответила Эльза. — В чаше меняют покрытие, проверяют слив и насосы. В межсезонье лучшее время чинить то, что летом все называют естественной частью отдыха.

— Ясно. Даже бассейн не выдержал курортного сезона.

— Он выдержал. Это люди иногда считают, что с ними должны выдерживать всё.

Эльза открыла дверь. Внутри пахло мокрой древесиной, чистящим средством и остывшим камином. На стойке регистрации лежали несколько папок. За ними на стене висел большой план территории в потёртой раме.

К плану Вера подошла раньше остальных.

Она приехала вместе с Олегом, но вышла из машины первой и сразу взяла на себя два чемодана. Олег не стал спорить, хотя один чемодан был явно тяжелее. Теперь он стоял у стойки

и изучал Эльзу с тем вниманием, с каким врач изучает снимок, на котором уже заметил что-то неприятное.

— Эти корпуса открыты? — спросила Вера, указав на план.

Часть карты была закрашена красным. От главного здания красная полоса уходила к западному крылу, дальше огибала насосную и заканчивалась у северной тропы.

— Жилые комнаты открыты в главном корпусе. Восточный корпус тоже, но мы туда не селим. Красным отмечены закрытые зоны.

— Служебное крыло?

— Ремонт и проверка коммуникаций.

Вера наклонилась ближе. На самой карте не было ни даты ремонта, ни подписи подрядчика. Только красная штриховка и маленький знак предупреждения у двери западного корпуса.

— А туда сейчас нельзя?

— Именно так и устроен запрет.

— Я спросила не о том, как устроен запрет.

Эльза посмотрела на неё, потом на план.

— После шторма проверяли перекрытия. Вход закрыт до осмотра специалистом. Это не гостевая зона.

Вера выпрямилась. Олег тем временем уже перешёл к вопросам.

— Максим здесь?

— На территории.

— Он в порядке?

— Насколько мне известно, да.

— «Насколько вам известно» — это значит, вы его видели?

— Это значит, что я говорила с ним утром.

— Он сам ходит?

— Олег, — сказала Вера.

Он не повернулся к ней.

— У него не было приступов? Он не принимал ничего? Память в порядке?

Эльза сложила руки на стойке.

— Максим не просил передавать его медицинские сведения гостям.

— Я не спрашиваю медицинские сведения. Я спрашиваю, сможет ли он сегодня встретить людей.

— Это вы у него и спросите.

Олег коротко кивнул, но не отвёл взгляда.

— Если он захочет с нами говорить.

Роман негромко присвистнул.

— Вот это встреча. Мы ещё не сняли куртки, а уже выяснили, что бассейн пуст, крыло закрыто, а хозяин под наблюдением.

— Роман, — сказала Нина.

Он поднял обе руки, показывая, что не собирается продолжать. Однако улыбка у него стала тоньше.

Последними приехали Лев и Марина. Их универсал задержался у ворот: водитель не сразу нашёл кнопку управления стеклоподъёмником, застрявшую с первого нажатия, и несколько секунд боролся с ней, пока Марина не рассмеялась и не открыла пассажирскую дверь изнутри.

— Даже машина не хочет ехать на встречу, — сказала она, выходя под дождь.

Лев достал с заднего сиденья сумку и посмотрел на ворота.

— А я думал, это у меня одного такая реакция.

Когда все собрались в холле, Эльза выдала каждому ключи и объяснила, что ресторан закрыт, но на кухне оставлены чай, хлеб и суп. Отопление работало только в главном корпусе. На ночь окна следовало закрыть: ветер с моря мог за пару минут превратить щель в отдельную климатическую зону.

Пока она говорила, Нина проверила телефон. Связь то появлялась, то исчезала. Она подняла его повыше, прошла к окну, потом, не глядя на Романа, сделала ещё один шаг к двери.

— Там ловит лучше, — сказала Эльза. — На ступеньках иногда появляется вторая полоска.

Нина вышла на крыльцо.

Роман остался у стойки, перебирая кольцо с ключом.

— Она всё ещё избегает меня так, будто я могу заразить её разговором, — сказал он.

— Возможно, она просто не хочет разговаривать, — заметил Лев.

— Это ты сейчас о ней или обо всех нас?

— Я стараюсь не тратить силы на точные ответы.

На улице Нина держала телефон над головой. Вторая полоска и правда появилась. Она быстро набрала сообщение, посмотрела на экран и подождала, пока рядом с ним возникнет отметка о доставке. Затем телефон убрала в карман.

Когда она повернулась, Роман стоял в дверях.

— Коробка у тебя? — спросила она.

— Думаю, да.

— Ты думаешь?

— Я проверю, когда доберусь до комнаты.

— Хорошо. Проверь. Потом можешь забрать и уехать.

— Если дорога позволит.

— Дорога всегда позволяла.

Слова вышли тише, чем она хотела. Роман чуть отвёл глаза, и на мгновение его улыбка исчезла совсем.

Эльза тем временем вышла на крыльцо и достала из кармана пульт. Ветер толкнул тяжёлую металлическую створку, когда она нажала кнопку.

— Ворота обычно закрываем после прибытия последней машины, — объяснила она. — Чтобы ночью их не сорвало с направляющей.

— Как заботливо, — сказала Марина. — Запереть нас до того, как мы успели поссориться.

— Никого не запираю. Просто закрываю ворота.

Двигатель загудел. Правая створка медленно покатила по рельсу, следом за ней двинулась левая. Металл скрипел, словно ворота жаловались на то, что их заставили работать вне сезона.

Все шестеро смотрели, как створки сходятся. Не потому, что в этом было что-то особенное. Просто стоять на крыльце было удобнее, чем возвращаться к пустым комнатам и чужим взглядам.

Глухой удар прозвучал, когда ворота почти закрылись.

Обе створки дёрнулись. Одна остановилась, вторая сдвинулась на несколько сантиметров назад. Двигатель натужно загудел и смолк. На мокром рельсе возле колеса лежала ветка, но не она одна мешала движению: нижний ролик съехал с направляющей.

— Прекрасно, — произнесла Марина. — Курорт уже начал строить с нами отношения.

Эльза снова нажала кнопку. Мотор попытался запуститься, щёлкнул и замолчал.

— Что случилось? — спросил Лев.

— Ролик сошёл с рельса. Ветер мог разогнуть крепление, или основание просело после дождя.

— То есть ворота заклинило? — спросила Вера.

— Их не нужно драматизировать. Их нужно починить.

— Это одно и то же, если ты стоишь по неправильную сторону, — сказал Роман.

Он подошёл к створке, но Эльза остановила его жестом.

— Не трогайте. Если перекосить её сильнее, станет хуже. Утром приедет техник.

— А сегодня? — спросил Олег.

— Сегодня ворота останутся закрытыми.

— Можно открыть вручную?

— Можно, если добраться до механизма и освободить ролик. Это работа не на десять минут. И не на одного человека.

— А если не ждать техника?

— Можно попробовать. Но не сейчас. На дороге тоже есть проблема.

Эльза сняла рацию с ремня и нажала кнопку.

— Северный мыс вызывает диспетчера. Ответьте, если слышите.

В ответ раздалось шипение. Потом чей-то голос, искажённый ветром, попросил повторить. Эльза коротко назвала курорт и сообщила о сломанном механизме. Диспетчер подтвердил: утром отправят бригаду. Вода размыва край дороги после поворота, а выше упало дерево. Проезд для тяжёлой техники обещали восстановить к рассвету.

— Мы можем вызвать спасателей? — спросил Олег.

— Если кому-то угрожает опасность, конечно. Но сейчас угрозы нет. Диспетчер уже в курсе. До места от посёлка не добраться быстро: на дороге осыпь, а последние два километра идут над склоном. Ночью бригада туда не полезет без оборудования.

— То есть помощь есть, но не сегодня.

— Помощь есть, — спокойно повторила Эльза. — Это не то же самое, что машина у ворот через пять минут.

Она повернулась к гостям.

— В главном корпусе есть тепло, вода и связь по рации. Мобильный телефон ловит у крыльца и на верхней площадке. Если кому-то нужно связаться с близкими, звоните сейчас, пока связь держится. Пожалуйста, не ходите по северной тропе и не входите в служебное крыло. После дождя там опасно.

— А к дороге пешком? — спросил Лев.

— От ворот до шоссе часть пути проходит над осыпью. После такого шторма я не советую.

— Значит, мы можем вызвать помощь, можем позвонить, можем дождаться утра, — подвела итог Вера. — Но уехать сейчас не можем.

— Именно.

Никто не возразил. Они умели спорить, когда решение оставалось теоретическим. Металлические ворота, остановившиеся на мокром рельсе, делали спор практическим.

В холле Эльза положила на стойку листок с номерами экстренных служб и снова развернула карту. Теперь отметки красным казались ярче. Закрытое служебное крыло занимало на плане небольшое место, но стрелка от него шла к насосной, а та находилась рядом с бассейном. Чашу бассейна на схеме обвели синим контуром. Синий цвет выцвел, и пустое место внутри контура стало похоже на дыру.

— Почему северная тропа закрыта? — спросила Вера.

— Там размыво край. Утром осмотрим.

— Вы закрыли весь маршрут?

— Мы закрыли участок, который сейчас опасен.

Вера задержала на карте взгляд, словно проверяла не объяснение, а то, как точно нанесена граница.

— А служебное крыло?

— По той же причине: ремонт и безопасность.

Вера больше не спрашивала. Но, проходя мимо окна, она ещё раз посмотрела на западную часть здания. Одна из дверей там была обвязана цепью. Под цепью висела новая табличка: «Вход запрещён».

Олег налил себе воды и всё же вернулся к прежнему вопросу.

— Эльза, вы уверены, что Максим понимает, что мы все приехали?

— Я передала ему.

— И что он ответил?

— Ничего.

— Не ответил или не захотел отвечать?

Эльза поставила на стойку чайник.

— Я не толкователь чужого молчания.

Олег отвернулся, но плечи его остались напряжёнными. Роман посмотрел на Нину. Она будто не заметила. Или решила, что теперь уже не будет тратить силы на притворство, будто не замечает.

К вечеру дождь усилился. Ветер раскачивал ветви у окон, и свет в холле дважды мигнул. Никто не предложил разойтись по комнатам. Марина заварила чай. Лев попробовал поймать новости на телефоне, но получил только короткий обрывок заголовка и фотографию затопленной улицы. Вера стояла у карты. Олег негромко спорил с Эльзой о том, в каком корпусе можно разместить всех, если центральное отопление снова отключится.

— По крайней мере, у нас будет время вспомнить, кто кому что обещал, — сказал Роман.

— У нас было много времени, — отозвалась Нина.

Он замолчал.

В этот момент в рации щёлкнуло. Эльза взяла её со стойки.

— Эльза, это западный корпус, — раздался голос мужчины.

Гости перестали разговаривать.

Эльза нажала кнопку.

— Слушаю.

— Максим просил сообщить, что он останется у себя. Он знает, что все приехали.

Она отпустила кнопку. Несколько секунд шум рации заполнял холл.

— Он здесь? — спросила Вера.

— Да, — ответила Эльза. — В кабинете западного корпуса.

— И не выйдет? — уточнил Олег.

Эльза посмотрела на него.

— Он просил не подниматься к нему без приглашения.

— Значит, мы приехали, чтобы стоять перед закрытой дверью, — сказал Роман.

— Нет, — произнесла Нина. — Мы приехали потому, что каждый по-своему решил, что с закрытой дверью можно справиться.

Она произнесла это негромко, но остальные услышали. Даже Олег перестал следить за рацией.

За окном металлические створки снова дрогнули под порывом ветра. Сдвинуться они не смогли. В холле, на карте, красные отметки окружали всё, куда сейчас нельзя было войти. Оставались комнаты, кухня, пустой бассейн и люди, с которыми каждый из них когда-то надеялся больше не оставаться наедине.

До утра была помощь. До утра можно было подождать.

Отложить можно было дорогу. Разговор они привезли с собой.

Старые друзья и незакрытый счёт

Эльза не стала ждать, пока кто-нибудь снова заговорит о закрытых дверях. Она повела их в столовую — не потому, что там было теплее, а потому, что в холле все стояли слишком близко к карте с красными отметками.

В столовой пахло остывшим кофе, полированной древесиной и лимонной цедрой. За высокими окнами чернел пустой бассейн. Ветер швырял дождь в стекло, и капли стекали вниз, будто кто-то торопливо стирал с него чужое отражение.

На столе лежали семь приборов. Семь бокалов. Одно место оставалось пустым.

— Это Максимово? — спросила Вера, указав на стул во главе стола.

— Я поставила приборы по числу гостей, — ответила Эльза.

Она не сказала, что считает Максима гостем. Не сказала и обратного. Просто поправила салфетку и вышла, оставив дверь приоткрытой.

— Ну вот, — произнёс Кирилл, устраиваясь ближе к камину. — Даже стол сервирован с намёком.

— На что? — спросила Нина.

— На то, что кто-то опять должен платить за всех.

Роман снял мокрый пиджак и повесил его на спинку стула.

— Мы приехали не для того, чтобы вспоминать, кто за что платил.

— Тогда зачем? — спросила Вера.

Никто не ответил сразу. Вопрос повис над столом, простой и неудобный, как незаполненная строка в анкете.

Даша заняла место у окна. Сумку она поставила на соседний стул, но не отпустила ручку. Олег сел напротив неё и взялся за стакан воды, хотя пить не стал.

— Мы приехали, потому что каждый решил, что этот разговор лучше провести сейчас, — сказала Нина.

— Кто-то решил, — возразил Роман. — Я не уверен, что все получили одно и то же приглашение.

— Ты мог отказаться, — заметила Вера.

— Мог. И, возможно, следовало.

— Вот это уже похоже на честное начало, — сказал Кирилл.

Роман посмотрел на него.

— Не торопись радоваться. Я не сказал, что приехал из-за Анны.

Имя словно изменило температуру комнаты. В камине потрескивало, но стало холоднее.

— А из-за чего тогда? — спросила Даша.

— Из-за старого дела, которое давно расследовали.

Вера резко повернулась к нему.

— Ничего давно не расследовали. Нам объявили, что это несчастный случай, и попросили не мешать работе администрации.

— Приезжала полиция, — сказал Роман. — Брали показания. Смотрели бассейн.

— И оборудование, — добавила Вера. — Мы спорили именно из-за него.

— Мы спорили о том, что сломалось, — сказал Кирилл. — Не о том, что произошло.

— Для тебя это одно и то же, — ответила Вера. — Если можно выставить счёт, значит, вопрос решён.

— Если можно установить, кто за что отвечает, вопрос хотя бы становится понятным.

— Анна была мертва, Кирилл. Не поломана насосная установка.

Он подался вперёд, но Нина подняла ладонь.

— Подождите. Давайте не перескакивать. Вера, ты помнишь, что спор начался из-за оборудования. Роман помнит расследование. Кирилл — расходы. А что случилось перед тем, как мы начали спорить?

— Насос шумел, — ответила Вера. — Решётка у слива была плохо закреплена. Я сказала, что бассейн надо закрыть. Анна сказала, что мы всё драматизируем.

— Нет, — произнёс Олег.

Все посмотрели на него.

Он поставил стакан на стол. Слишком аккуратно, почти беззвучно.

— Она сказала, что вода холодная. Это было раньше. Спор начался потом.

— Ты уверен? — спросила Вера.

— Я был там.

— Мы все были там.

Олег сжал челюсть. Рука его снова потянулась к стакану, но остановилась на полпути.

— Я помню, что вы спорили, — сказал он. — Не помню, о чём именно.

— А я помню, — сказала Даша. — Вы спорили о том, кто вызовет техника.

Кирилл тихо усмехнулся.

— Разумеется. Техник, счёт, страховка. Всё укладывается в знакомую картину.

— Ты можешь хоть пять минут не говорить о деньгах? — спросила Нина.

— Могу. Но тогда кто-нибудь другой заговорит о них вместо меня. Сколько стоил ремонт? Кто оплатил номер? Кто подписал документы? В этом доме любое воспоминание в конце концов упирается в чек.

— Ты оплатил ремонт? — спросил Роман.

— Я оплатил то, что выставили мне. Это не одно и то же.

— Почему тебе?

Кирилл пожал плечами.

— Потому что у меня были деньги.

Ответ прозвучал так просто, что на мгновение никто не нашёлся, что сказать. Потом Вера спросила:

— А на что именно ты их потратил?

— Сейчас? На этот ужин? Я не знаю. Эльза, наверное, внесёт всё в общий счёт.

— Я спрашиваю про тогдашний ремонт.

— А я отвечаю, что не помню детали.

— Зато помнишь, что заплатил.

— Такие вещи запоминаются лучше, чем чужие обвинения.

Нина выдохнула через нос. Ей вспомнился ночной воздух у бассейна — тяжёлый, пахнущий мокрым камнем и хлоркой. А потом чужая рука на её плече. Голос у самого уха:

Не звони в полицию.

— После той ночи кто-то попросил меня не звонить в полицию, — сказала она.

Кирилл перестал крутить бокал. Роман не шелохнулся. Олег поднял глаза.

— Кто? — спросила Вера.

— Я не знаю.

— Ты же говорила, что помнишь голос.

— Я помню, что слышала. Это не значит, что я могу назвать человека.

— Ты была рядом с нами, — сказал Роман. — Ты должна была видеть.

— Я не видела. Я слышала. Было темно, Анна лежала на плитке, а мы все говорили одновременно.

— Никто не говорил одновременно, — произнёс Олег.

— Ты уверен? — спросила Нина.

Он отвернулся к окну.

Даша будто невзначай подтянула сумку ближе к себе. Когда она наклонилась, из приоткрытого кармана показался чёрный уголок старой камеры. Она тут же накрыла его ладонью.

Роман заметил.

— Ты всё ещё её хранишь?

— Что именно?

— Камеру.

— Это не камера.

— Я видел такую модель. Ты снимала на неё весь тот отдых.

— Она сломалась.

— Тогда зачем прятать?

Даша застегнула карман.

— Я не прячу. Просто не хочу, чтобы вы начали рассматривать вещи, которые вас не касаются.

— Если там есть запись той ночи, она касается нас всех, — сказал Кирилл.

— Записи нет.

— Ты только что сказала, что она сломалась, — заметила Вера.

— И что?

— Сломанная камера могла записать. Потом перестать работать.

Даша посмотрела на Веру без улыбки.

— Ты всегда умела найти поломку, которая объясняет всё.

— А ты всегда умела ничего не объяснять.

— Хватит, — сказал Роман. — Камеру можно проверить утром. Если дороги откроют и нам будет что проверять.

— Вот видишь, — произнёс Кирилл. — Сначала счёт, потом документы, теперь техника. У нас всё ещё есть план.

— Мы не обсуждаем технику, — сказала Нина. — Мы пытаемся понять, о чём именно каждый из нас молчал.

— Молчание — это не преступление, — сказал Роман.

— Это зависит от того, что ты видел.

— Или от того, что решил увидеть, — тихо добавил Олег.

Роман посмотрел на него.

— Ты хочешь поговорить о медицинском заключении?

Олег поднялся так резко, что стул ударился о стену.

— Не надо.

— Я просто спросил.

— Нет. Ты сказал это так, будто у тебя есть право произносить эти слова.

— У меня есть копия отчёта.

— У всех была копия.

— Не у всех.

На лице Олега что-то дрогнуло, но исчезло прежде, чем Нина успела понять что.

— Там написали, что смерть наступила от утопления, — сказал он. — Вот и всё.

— Не только это, — заметил Роман.

— А что ещё? Что она долго была в воде? Что мы опоздали? Что кто-то из нас мог успеть?

— Этого там не было.

— Ты не знаешь.

— Я читал отчёт.

— Тогда прочитай его ещё раз.

Олег замолчал. Он смотрел на стол, на семь бокалов и на пустой стул. Потом медленно сел.

За окнами вспыхнула молния. На миг пустой бассейн проступил целиком: прямоугольник белёсой плитки, сливные решётки, тёмные дорожки дождевой воды. Вера непроизвольно повернула голову. Кирилл тоже посмотрел наружу, но первым отвёл взгляд.

— Мы можем спорить до утра, — сказала Нина. — И всё равно каждый уйдёт с той же версией, с которой пришёл.

— Уйти, как видишь, не получится, — напомнил Кирилл.

— Тогда хотя бы попробуем назвать не выводы, а то, за что действительно отвечали.

— Это что, упражнение? — спросил Роман.

— Это вопрос.

Нина взяла бутылку красного вина, оставленную на столе Эльзой. Налила понемногу в каждый бокал, включая тот, что стоял перед пустым стулом.

— За Анну? — спросила Вера.

— Нет, — сказала Нина. — Не за неё. За то, чтобы каждый сказал, о чём ему следовало бы извиниться.

Кирилл приподнял бровь.

— Звучит как тост, после которого никому не захочется пить.

— Тогда поставь бокал.

Он не поставил.

Вера первой подняла свой. Она смотрела не на остальных, а на красное вино.

— Я прошу прощения за то, что до сих пор рассказываю, будто всё началось из-за неисправного оборудования. Решётка действительно шаталась. Насос действительно шумел. Но я не знаю, имело ли это отношение к смерти Анны. Я знаю только, что спорила с ней. И что после этого мне было легче обвинять железо, чем вспоминать, что я сказала ей.

Она отпила. Совсем немного.

Роман поднял бокал следом.

— Я прошу прощения за то, что называю расследованием процедуру, после которой всем стало удобнее разъехаться. Я не знаю, было ли в ней что-то нечестное. Я знаю, что подписал показания и перестал задавать вопросы.

— Ты убедил нас, что вопросов больше нет, — сказал Кирилл.

— Возможно.

— Вот это ты помнишь, — тихо произнесла Нина.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Я прошу прощения за то, что посчитал деньги доказательством своей доброты. Я оплатил ремонт. Не потому, что хотел купить молчание. По крайней мере, я так себе объяснял. Это было проще, чем остаться рядом и смотреть, как вы друг на друга смотрите.

— Ты мог остаться, — сказала Даша.

— Мог.

Он поднял бокал, но не выпил.

Олег долго не притрагивался к своему. Наконец взял его обеими руками.

— Я прошу прощения за то, что после той ночи повторял слова врача так, будто сам всё проверил. Я не врач. Я пытался помочь Анне. Потом мне сказали, что ничего нельзя было сделать. Я поверил. Или решил, что мне необходимо поверить.

— Ты был там раньше всех, — сказала Вера.

— Нет.

Он произнёс это слишком быстро.

Вера не стала уточнять. Именно поэтому ответ прозвучал ещё громче.

Даша провела пальцем по краю бокала.

— Я прошу прощения за то, что кое-что сняла, а потом спрятала. Я до сих пор не знаю, что именно на записи. Камера была включена не всю ночь. Я не уверена, что она вообще работала у бассейна.

— Ты сказала, что записи нет, — произнёс Роман.

— Я сказала, что не знаю, есть ли она.

— Это разные вещи.

— Да. В этом и проблема.

Она выпила, не отрывая взгляда от окна.

Нина подняла свой бокал.

— Я прошу прощения за то, что послушалась человека, которого даже не смогла потом назвать. Я всё ещё говорю себе, что растерялась. Что думала о скорой, о полотенцах, о том, как согреть Анну. Может быть, так и было. Но когда мне сказали не звонить в полицию, я не позвонила. И это тоже часть моей истории.

В столовой стало так тихо, что они услышали, как где-то за стеной щёлкнуло отопление. Бокал перед пустым местом оставался нетронутым.

— Вот, — сказал Кирилл. — Семь человек и семь признаний. Ни одного общего.

— Зато ни одно не совпало с тем, что мы повторяли последние годы, — сказала Нина.

— Люди не становятся правыми оттого, что говорят одно и то же достаточно долго, — ответил Роман.

— И не становятся виноватыми, если помнят по-разному, — добавил Олег.

Дверь открылась.

Максим стоял на пороге в тёмном свитере, без пиджака. Волосы у него были влажные, словно он только что прошёл под дождём, хотя коридор оставался сухим. Он посмотрел на пустой стул, потом на бокал перед ним.

— Мне оставили место, — сказал он.

— Эльза поставила приборы по числу гостей, — ответила Нина.

Максим вошёл и сел. Ни с кем не поздоровался. Отодвинул бокал, но не выпил.

— Я услышал, что вы решили извиняться, — произнёс он. — Поздновато.

— Ты просил не подниматься к тебе без приглашения, — напомнил Роман.

— Да.

— Мы не приглашали.

— Я знаю.

Максим посмотрел на их бокалы.

— За что вы пьёте?

— За то, что каждый из нас считает своей ошибкой, — сказала Нина.

— Значит, не за одно и то же.

— Нет, — ответила она.

Он кивнул, будто это был единственный ответ, который мог принять.

— Я прошу прощения за то, что согласился молчать, — сказал Максим. — Тогда мне казалось, что молчание даст всем время. Что оно не позволит одной страшной ночи уничтожить всё, что было до неё. Я ошибался.

— Кто предложил молчать? — спросила Вера.

Максим не ответил.

— Ты сказал, что это была договорённость, — произнёс Роман.

— Так и было.

— Договорённость не возникает сама собой.

— Нет.

— Тогда чьей она была?

Максим посмотрел на него так, будто вопрос прозвучал слишком поздно и всё же попал точно в цель.

— Я назову имя человека, который тогда солгал, — сказал он. — Но не сейчас.

— Почему? — спросил Кирилл.

— Потому что за этим столом каждый уже выбрал, что именно готов услышать. Я не хочу давать вам ещё одну версию, которую вы будете повторять вместо правды.

— А где ты собираешься это сказать? — спросила Даша.

Максим взглянул в сторону окон. За ними дождь почти скрывал бассейн, но его пустая чаша всё ещё отражала свет столовой.

— Там, где всё случилось.

Никто не стал спрашивать, какое именно «всё» он имел в виду. На столе стояли семь бокалов, и в каждом отражалась своя узкая полоска света. Ни одна не была похожа на другую.

Максим поднял свой.

— За то, чтобы в следующий раз мы не путали договорённость с правдой.

Он выпил. Остальные не последовали за ним. Снаружи ударил ветер, и оконная рама отозвалась глухим стуком.

Пустой бассейн лежал в темноте. Утром им предстояло снова выйти к нему всем вместе.

Последний тост у бассейна

В восемь утра Максим уже стоял на дне бассейна.

Он выбрал белую линию, тянувшуюся от одного борта к другому, и смотрел на нее, будто пытался решить, где она обрывается. Бассейн был пуст, только у сливного желоба дрожала тонкая пленка воды. Фонари отражались в ней длинными желтыми полосами. Шезлонги сложили у ограды в ровную стопку; ветер время от времени сдвигал верхний, и металл тихо поскрипывал.

Даша остановилась у ступенек. От ночной усталости у нее ломило виски. Она почти не спала, все время слыша, как рама окна отвечает глухим стуком на порывы ветра.

— Ты рано, — сказал Максим.

— Ты обещал, что утром мы выйдем сюда все вместе.

— Обещал.

Он поднялся к ней по ступеням. На нем была та же рубашка, что и за ужином, только теперь рукава закатаны до локтей. Воротник помялся. Максим выглядел не так, словно провел бессонную ночь, а так, словно долго репетировал разговор и в конце концов понял, что репетиция ничего не меняет.

Остальные подошли один за другим. Вера, старшая сестра Анны, застегивала куртку на ходу. Роман Соколов нес термос и держал его перед собой, как дипломатический дар. Илья Марков, который много лет назад вел первое расследование, пришел в сухой куртке, хотя дождь еще капал с деревьев. Лена, бывшая соседка Анны, не сняла капюшон. Павел Орлов, когда-то отвечавший за бассейн, остановился у ограды и долго разглядывал сливной желоб.

Даша пересчитала их: шестеро гостей, вместе с Максимом — семеро. Семеро людей, каждый из которых когда-то уверял, что помнит ту ночь лучше остальных.

Максим поставил на складной столик конверт. Бумага была плотная, пожелтевшая по краям. На лицевой стороне крупными буквами стояло: «ОРИГИНАЛ».

Роман снял крышку с термоса.

— Надеюсь, внутри не только кофе, — сказал он. — У нас тут собрание, повестка и вещественное доказательство. Не хватает секретаря.

Никто не улыбнулся. Роман сам налил себе кофе, но пить не стал.

— К полуночи я расскажу вам правду об Анне, — сказал Максим. — И о том, почему расследование тогда так быстро закончилось.

Вера скрестила руки.

— Ты опять собираешься говорить за нее?

— Нет.

— Тогда за кого?

Максим не ответил. Он положил ладонь на конверт, не касаясь надписи.

— Внутри оригинальный документ из дела. Не копия, которую мы видели раньше. Я покажу его, когда объясню, что именно в нем важно.

— А имя виновного тоже назовешь? — спросил Илья.

— Нет.

Илья коротко усмехнулся.

— Великодушно.

— Я не назову имя, потому что бумага сама его не произнесет. Если я сейчас укажу на кого-то, вы получите еще одну версию. Я хочу сначала сказать, что видел, что узнал и чего не знаю.

Лена отвела взгляд. Вера провела пальцем по молнии на куртке, несколько раз дернув бегунок вверх и вниз. Павел по-прежнему смотрел на слив.

Максим оглядел их.

— Каждый получит минуту поговорить со мной наедине. Если хочет. Потом мы останемся вместе. До полуночи.

— А если кому-то нужно больше минуты? — спросила Даша.

— Тогда ему придется решить, что он хочет сказать.

Роман поставил термос на стол.

— Разговор по таймеру. Отлично. Теперь я почти уверен, что это не допрос.

Максим взглянул на него без улыбки.

— Ты можешь не пользоваться минутой.

Роман первым шагнул к старой будке спасателя, втиснутой между бассейном и служебным проходом. Дверь закрылась. Через минуту он вышел, придерживая рукав у запястья. Будто успел там что-то испачкать, хотя стены будки были сухими.

Вера вошла следом. Вернулась с красными щеками и застывшим подбородком. Илья задержался за дверью чуть дольше минуты; когда вышел, он спросил, не менял ли Максим порядок документов. Павел не произнес ни слова, только посмотрел на Максима и покачал головой. Лена перед тем, как войти, попросила остальных отойти подальше. Когда она появилась снова, на ее ресницах блестела вода, и не сразу было понятно, дождь ли это.

Последней пошла Даша.

В будке пахло пылью, мокрой веревкой и старым деревом. Максим закрыл дверь, но не защелкнул. На стене висел выцветший плакат: «Не бегать у воды». Даша помнила, что Анна однажды смеялась над ним и сказала, что люди начинают читать правила только после того, как уже нарушили.

Максим посмотрел на часы.

— Минута.

— Я не знаю, что ты хочешь услышать.

— Не придумывай, что я хочу услышать.

Даша вздрогнула. Это прозвучало почти как упрек.

— Тогда вот что я знаю. В ту ночь я не видела, как Анна уходила.

Максим не перебил.

— Я видела светлое пятно в окне. Услышала щелчок калитки. Потом решила, что это она. Через год я уже рассказывала, будто видела ее на дорожке. Еще через год говорила, что она шла одна.

— Почему?

— Потому что мне было легче думать, что она ушла. Мы поссорились. Я сказала ей не возвращаться. Если бы я призналась, что не знаю, куда она пошла, пришлось бы признаться и в том, что я не вышла ее искать.

Максим отвел взгляд к плакату.

— Ты понимаешь, что это не доказывает, будто она вернулась?

— Понимаю. Это доказывает, что я не видела того, о чем говорила.

Он снова посмотрел на часы. До конца минуты оставалось несколько секунд.

— А ты? — спросила Даша. — Что ты не видел?

Максим чуть сжал челюсть.

— Я не видел, чтобы кто-то из вас убил Анну. Я видел, как мы все помогали закрыть вопрос раньше, чем он стал неудобным.

Дверь будки скрипнула. Минуты истекли.

Выйдя наружу, Даша обнаружила, что остальные разошлись по краям бассейна. Роман стоял у конверта. Илья держался возле ступеней. Лена рассматривала свои ладони. Вера смотрела на Максима так, будто пыталась отыскать в его лице прежнего друга и не находила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.